

зрения историко-литературной, она не лишена значительного интереса, как попытка, опять-таки, вероятнее всего, местная, изложить ряд эпизодов из истории этой борьбы русских колонистов в форме и в духе обычных военных повестей XVI и XVII вв. В частности, не лишена эта повесть значения и для изучения литературных приемов ее неизвестного нам автора, писавшего, как это видно будет из дальнейшего, около середины XVII в.: это — сравнительно позднее отражение целого направления так называемой «торжественной» литературы, расцветшей к половине XVI века в Московской книжности и ставшей замирать к концу XVII в.

Что касается содержания Повести о Таре и Тюмени, то оно не сложно и большой цельностью не отличается: здесь рассказаны несколько эпизодов из истории борьбы русских припелюцов с татарами, калмыками и «литовцами» (т. е. людьми из западной России, в большом количестве захваченными в плен в столкновениях с Польшей и ссылаемыми Московским правительством в качестве поселенцев в Сибирь); эти эпизоды связаны между собою только слабо выраженной хронологической последовательностью и территориальным единством. В общих чертах содержание Повести сводится к следующему:

«Некто от менших татар» именем Кучаш Танатаров, рассказывает Повесть, оставивши свой род и отечество, побуждаемый властолюбием и стремлением к наживе, переселяется в землю Калмацкую<sup>1</sup> к некоему калмыцкому тайше, набирает при его помощи калмыков и является с ними неожиданно под город Тару. В происшедшем столкновении русские граждане Тары потерпели неудачу: многие убиты, сведены в плен, стада их угнаны. Повторив несколько раз свои набеги на Тару, Кучаш вернулся с большой добычей и получил честь от царевичей, Кучумовых внуков, и калмыцких тайш. Соблазненный успехами Кучаша, один из калмыцких тайш Куйша посылает своих двоих сыновей и зятя с войсками на ту же Тару, поручая разорить город, жителей избить или забрать в полон. «Поганые» приходят, требуют сдачи города и, уверенные в невозможности сопротивления, к ночи отходят на реку Ибейку, находящуюся в семи «поприщах» от города, оставив у города стражей, и становятся у реки станом. Защитники города ночью делают вылазку, пройдя мимо стражей незамеченными (шум, производимый городскими воинами, стражи приняли за шум, идущий из стана

<sup>1</sup> В Повести последовательно употребляется эта форма с вариантом «Колмаки», как и в одном из вариантов Саввы Есипова (Сибирские летописи, СПб., 1907, стр. 111).